Статьи. Теория

Ольга Столярова

О возможности критики научно-технического знания

В статье рассматривается проблема гуманитарной критики науки. Автор доказывает, что естественные науки нуждаются в философском обосновании, равно как и последнее в свою очередь также зависит от развития естественных наук. В статье анализируются и систематизируются антисциентистские и сциентистские точки зрения.

Ключевые слова: социальные науки, философия науки, социология знания, экспертное знание, общество знания, наука, технология, прогресс.

Общество, в котором мы живем, называет себя «обществом знания» (knowledge society). Это самоназвание говорит о том, что знание понимается как важнейший ресурс, основной источник производства материальных продуктов и оптимизации жизни. В XVII веке Ф. Бэкон провозгласил зависимость человеческого могущества от науки и выдвинул проект переустройства мира на началах и принципах естествознания. Сегодня, спустя четыре века, очень многое свидетельствует в пользу того, что ставка Бэкона на естественные науки себя оправдала. Достижения наук о приро-

---

Ольга Евгеньевна Столярова — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии философско-социологического факультета РАНХиГС, старший научный сотрудник НОЦ «Политический анализ и исследования техники», Томский государственный университет (работа НОЦ поддержана HESP Department Development Partnership Program Института «Открытое общество»). Область научных интересов — онтология, история и философия науки, исследования науки и технологии, эпистемология.

Работа выполнена по гранту НИР РАНХиГС, проект «Неклассические подходы к науке и технологии: анализ новейших тенденций». Автор благодарит также HESP, Department Development Partnership Program Института «Открытое общество» за поддержку в ходе работы над данной статьей.

де бесспорны. Человек с помощью научных инструментов вышел за пределы Галактики, проник в строение космической материи, научился делить атом и использовать его энергию, почти мгновенно пересылать информацию на огромные расстояния, изменять наследственную природу организмов, трансплантировать органы и прочее. Научные и технические достижения сегодняшних дней еще недавно выглядели фантастикой; грандиозные успехи генной инженерии, медицины, астрономии, физики, вычислительной техники решили многие представлявшиеся ранее неразрешимыми задачи и обещают новые блестящие перспективы: избавление от болезней, продление жизни, расширение коммуникаций, повышение комфорта, усовершенствование общественного строя и т. п.

Кто бы сегодня усомнился в том, что логика развития общества определяется наукой и научной рациональностью? С детства мы впитываем уважение к ученым и их деятельности. Социализация, через которую все мы проходим, предполагает передачу и усвоение научной картины мира, научного подхода к информации, научных способов ведения дискуссии и защиты собственной точки зрения, принципов научной организации труда. «Ученые доказали, что...» — в этой фразе прочитывается нечто всеобщее и необходимое, обладающее большой силой принуждения, что заставляет нас подчиняться и строить жизнь в соответствии с теми истинами, которые ученые открывают о мире. Ученый — эксперт и верховный судья, ученый — тот, кто имеет непосредственный доступ к реальности, понимает ее скрытые механизмы, и именно поэтому его суждения обладают наивысшей степенью легитимности.

Конечно, наше общество несовершенно. Остается непреодолимым разрыв между богатыми и бедными странами, существует проблема истощения природных богатств, сохраняется угроза природных и техногенных катастроф, не решены проблемы преступности, преждевременной смерти от болезней и несчастных случаев, не найдено универсальное средство для всеобщего счастья, благополучия и взаимопонимания. Но могут ли все эти дефекты общественного бытия бросить тень на науку? Многие ученые полагают, что нет. Наука последовательно делает свое дело, и достижения прошлого, образно говоря, так же превышают в количественном отношении проблемы настоящего и будущего, как площадь основания конуса превышает площади его секущих, параллельных основанию, плоскостей вплоть до победной вершины.

А если наоборот? Если мысленно перевернуть фигуру и обратить внимание сторонников победоносного развития науки на тот факт, что по мере роста научного знания нерешенные задачи множатся, а не убывают? Да, средневековых европейских горожан косила чума, но они не знали отравляющего воздействия смога, радиации

и «ненатуральной» пищи; в древности войны были обычным способом разрешения политических конфликтов, но масштабы античных и средневековых войн не идут ни в какое сравнение с масштабом угрожающей человечеству атомной войны; продолжительность жизни увеличилась, но вместе с ней увеличилось количество болезней и, соответственно, страданий тех, кто болен; численность населения Земли выросла и продолжает расти, но в силу ограниченности ресурсов одни представители рода homo sapiens неизбежно превращаются в средство для других; общественные системы и институции достигли высочайшего уровня развития по сравнению с примитивными сообществами прошлого, но оказались неуправляемыми; продукция стала массовой, но конвейер производства и потребления превратил человека в придаток индустрии; значительная часть человечества достигла благополучия, но она заплывает жиром, тупеет и впадает в депрессию; ученые проникли в атом, но вместо прочного материального фундамента получили делимые (до бесконечности?) «элементарные частицы», и самый, пожалуй, главный урок, который можно извлечь из этих кризисных явлений, состоит в том, что с развитием науки нестабильность и непредсказуемость во всех сферах жизни (как «природной», так и «культурной») не убывают, а возрастают. Знание парадоксальным образом умножает незнание.

Однако среди многих ученых и в особенности представителей естественных наук популярна следующая точка зрения: умножение проблем, считают они, указывает на недостаточный прирост научного знания, который мог бы быть выше, если бы общество относилось к науке с большим уважением. Чем больше науки, тем лучше общество — таково убеждение многих ученых, и поэтому необходимо вести просветительскую работу, разъясняя руководящую роль науки: чем более просвещенным будет общество относительно блага, которое способна принести наука, тем больше научного знания в результате общество получит и тем больше в конечном счете благ приобретет.

Например, более десяти лет назад в Москве состоялся международный симпозиум «*Наука, антинаука и паранормальные верования*», организованный *Комиссией по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований президиума РАН и Московским государственным университетом*, где собрался цвет российской науки, а также видные зарубежные ученые. Участники симпозиума напрямую связали продвижение науки с будущим человечества (репортаж с симпозиума см. в журнале «Наука и жизнь», № 12, 2001; архивная запись журнала онлайн: http://www.nkj.ru/archive/articles/7490/). С. П. Капица, выражающий, по-видимому, точку зрения большинства, высказал убеждение в том, что кризисные явления во всех областях

общественной жизни (ученый признал, что кризис планетарного масштаба имеет место) вызваны падением авторитета науки в общественном сознании и тем, что ее место узурпируют паранаучные и лженаучные институции. Они оттягивают финансирование и вместо того, чтобы «сеять разумное, доброе, вечное», «промывают мозги», сбивая общество с пути прогресса. Участники симпозиума сошлись на том, что усиление (подлинной) науки через просвещение общества — насущная необходимость. В середине 2000-х *Комиссия по борьбе с лженаукой* начала выпуск бюллетеня «В защиту науки», цель которого — развенчивать лженауку и повышать статус (подлинной) науки в обществе.

Такая точка зрения наводит на размышления. Прежде всего мы видим, что в наши дни, в начале XXI века, ученые констатируют недостаточную продуктивность науки и возлагают вину за ее неудачи на общество. Вина последнего состоит в том, что оно, пав легкой добычей нечистоплотных лжеученых, мешает (подлинной) науке вершить ее миссию. Но как могло такое случиться с современным обществом, если проекту Просвещения, теснейшим образом сопряженному с научной рациональностью, без малого четыреста лет? Не вчера, а еще в XVII веке лучшие философские и ученые умы связали просвещение общества и продвижение науки как причину и следствие, указав при этом, что само просвещение должно питаться научным познанием, а продвижение науки — в свою очередь конвертироваться в общественные блага. Схематически просветительскую модель можно изобразить так:

(подлинная) наука→(просвещенное) общество→продвижение (подлинной) науки→(благополучное, просвещенное) общество→(подлинная) наука.

Над реализацией этой модели трудились ведущие ученые и философы, и если спустя несколько столетий общество остро нуждается в просвещении, то не достаточный ли это срок, чтобы признать вслед за некоторыми мыслителями, что проект Просвещения провалился? Например, Франкфуртская школа утверждает весьма категорично: «Просвещение не сдержало обещаний». А если это так, то не означает ли это, что где-то в цепи произошел разрыв? Поскольку приведенная выше схема, очевидно, носит замкнутый характер и последнее звено предполагает первое, наука не может избежать обвинений и выступать в роли невинной жертвы общества.

Не будем сейчас углубляться в то, как наука влияет на общественное мнение, а обратимся к тому, как, с точки зрения ученых, «правильное общество» должно обеспечить рост научного знания. По мнению ученых, общественность должна сказать твердое «нет» сомнительным иррациональным и шарлатанским деятелям, ин-

ституциям и доктринам, и признать верховный авторитет (подлинной) науки. На всех уровнях социальной структуры — от образовательных институтов до коридоров власти — должна неуклонно проводиться политика поддержки (подлинно) научных исследований и трансляция (подлинно) научных знаний. Ни одного случайного рубля, доллара или фунта стерлингов не должно попасть к псевдонаучным проходимцам; все ресурсы и все силы должны быть вложены в (подлинно) научные или санкционированные (подлинной) наукой проекты. Конечно, реальные жизненные обстоятельства не всегда совпадают с идеалом, на практике возможны заблуждения, ошибки и отклонения от прямолинейного маршрута, но, имея данный теоретический идеал взаимоотношения общества и науки в качестве путеводной звезды, мы, пусть с некоторыми незначительными зигзагами, будем последовательно продвигаться вперед. Однако же и этот теоретический идеал при ближайшем рассмотрении оказывается неудовлетворительным.

Понятно, что общество само по себе не в состоянии судить о том, что является или не является подлинной наукой, поскольку вопрос о причислении тех или иных знаний и практик к категории научных или ненаучных решается внутри научного сообщества. Существует развернутая институциональная система критериев и процедур оценки знания, начиная с кафедр и ученых советов и заканчивая высшими аттестационными комиссиями, и те, кто имеет право голоса, сами первоначально прошли отбор посредством этих процедур. В силу институциональной организации научное знание герметично, а это означает, что знание о знании вырабатывается внутри него и диктуется обществу, которому остается принимать это знание на веру. Таким образом, «правильное общество», с точки зрения защитников (подлинной) науки, — это общество с большим запасом доверия по отношению к научным институциям, практикам и результатам, такое, в котором роль научной экспертизы является определяющей.

Идея того, что знание должно принадлежать только узкому кругу посвященных, не нова; ее возраст, по-видимому, равен возрасту самого знания. Если мы вспомним Священное Писание, то знание изначально носило закрытый характер (его первый и единственный законный владелец — сам Создатель) и не предполагало свободного распространения. В древних культурах носителями подлинного знания выступали жрецы, в идеальном государстве Платона таковыми были признаны философы. В Средние века их место заняли теологи. На долю всех остальных выпадало доверие. Доверие основывалось на устной или письменной традиции («так должно быть»), а также закреплялось социальными механизмами (рожденный земледельцем — не жрец, воином — не философ, мещани-

ном — не теолог)[1]. Конечно, реальность принадлежит всем, равно как и все принадлежат реальности, но у каждого в этой реальности свое место: существуют мудрецы и простецы, и удел вторых доверять первым. Однако же то, что мы сегодня называем наукой (прежде всего это точное естествознание), выросло из принципиально иной идеи — из идеи, высказанной, в частности, Декартом, о природном и интеллектуальном равенстве всех человеческих существ: «Бог дал каждому из нас некоторую способность различать ложное от истинного» [Декарт 1989: 266]; «способность правильно рассуждать и отличать истину от заблуждения — ... или разум, — от природы одинакова у всех людей» [Декарт 1989: 250]. Просвещение, которое шло рука об руку с опытным исследованием природы, начиналось с критики авторитетов, навязывавших знание о знании «некомпетентной публике», и было по сути своей реализацией автономии здравого смысла. В эпоху Просвещения наивысшей познавательной ценностью становится стремление к «прозрачности» знания, которое доступно любому человеку, наделенному «естественным светом разума». Войну с узурпаторами знания вел также и Кант, призывая каждого «пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого» [Кант 1966: 25–36].

Что же происходит сегодня? Не оказались ли забыты идеалы Просвещения? И не находится ли сегодняшний идеал просвещения общества, выдвигаемый учеными как подлинными носителями «объективности», в некотором противоречии с исходными интенциями Просвещения? Когда ученые вещают «от лица реальности» — один рассказывает, как «на самом деле» устроены пространство и время, другой говорит, что естественный отбор является единственным ключом к пониманию природы и назначения человека, — что остается нам, «неэкспертам», кроме доверия? Конечно, ученые могут ответить, что основы нашего доверия к ученым экспертам «рациональны», что социальная система цивилизованного общества, как минимум в идеале, задумана так, что социальные лифты доступны

1 В средневековом обществе тесноватый социальный лифт все же существовал: сословия не были замкнуты как касты. Однако, как пишет А. Я. Гуревич, «существенной чертой правового статуса человека в Средние века было то, что статус — унаследованный или приобретенный — по-прежнему оставался непосредственно связанным с внутренней природой человека и, согласно представлениям той эпохи, влиял на его моральный облик и важнейшие черты его характера, определял его сущность. В праве социальные статусы нередко описываются в моральных категориях. Знатных именуют “лучшими”, “достойнейшими”, тогда как простолюдины фигурируют под именем “низких”, “подлых”, “худших”. Общество, согласно средневековым законодателям, делится на “благородных” и “чернь”» [Гуревич 1999: см. главу «Право и обычай»].

всем, что всеобщее многоступенчатое образование и есть связующее звено между экспертом и неэкспертом. Но, помилуйте, о какой универсальности образования может сегодня идти речь, если специализации внутри наиболее развитых наук достигли такой глубины, что эксперты в одной области знания оказываются профанами в области смежной? Как известно, деление физиков на теоретиков, экспериментаторов и инженеров (которые, кстати, уже в середине XX века не вполне понимали друг друга) в наши дни ушло в прошлое. Сегодня каждая из вышеперечисленных групп имеет внутри еще более узкие специализации со своим языком описания, между которыми нелегко, если вообще возможно, перебросить мост. Столь же глубокая внутренняя дифференциация касается и иных дисциплин, например химии и биологии. А что уж говорить о междисциплинарном диалоге! Складывается ли из этой пестрой мозаики непротиворечивая картина? Да и какой универсальный ум в конечном счете соберет все детали воедино?

На заре своего существования философия заявила о себе как об интеллектуальной практике, проясняющей основы нашего доверия. Вспомним Сократа, который, как известно, занимался тем, что останавливал спешащих по своим делам жителей Афин и приводил их умонастроение во подвешенное состояние, заставляя признать, что самоочевидности, на которых покоится их повседневная деятельность, далеко не так самоочевидны, как они привыкли думать. После определенных процедур интеллектуального самоочищения собеседники Сократа останавливались в замешательстве: чаще всего (или всегда?) основы доверия на поверку оказывались нерациональными. В век рационализма и Просвещения философия сильно преуспела на этом поприще: критика философов Просвещения вскрывала мифологическую природу как знания, так и социальных институтов, которые его транслировали. Но в отличие от Сократа, практикующего очищающее незнание, эпоха Просвещения стремилась к положительному знанию и сделала выбор в пользу фактов и доказательств.

Да, философы всегда раскачивали лодку, не позволяя ей тихо скользить по течению. Но если до открытия фактов и доказательств философская деконструкция действительно имела смысл, то после того, как положительные науки вступили на подготовленную для них территорию, философии следует признать, что она уже сослужила свою главную службу. «Хватит мутить воду» — могут сказать ученые и инженеры философам. Дело сделано, место под новую постройку расчищено, фундамент заложен. Дальше начинается работа ученых, которая заключается в том, чтобы последовательно собирать «теорию всего» и обращать ее части в общественные блага. А если «вездеход научной методологии» (выражение Брюно Латура)

буксует, то это вина обслуживающего персонала, который в силу лени или беспечности не поддерживает должный уровень ухода за величайшим механизмом — «предприятием по производству достоверного знания».

Но может ли наука обойтись без философии? В состоянии ли она ответить на критику последней, противопоставив этой критике факты и доказательства? Может ли она опровергнуть философствующих «неэкспертов», и, причем, опровергнуть их не «пустословием» (пусть оно останется в арсенале философов), а результатами своей деятельности? Только начните следить за фактами и доказательствами всерьез, и вы рискуете оказаться не в меньшем замешательстве, чем жертвы философской деконструкции в духе Сократа. Вредны ли мобильные телефоны для здоровья? А микроволновые печи? Можно ли употреблять в пищу генно-модифицированные продукты? Стоит ли прибегать к неорганическим удобрениям? Полезно ли на ночь чистить зубы? Нужно ли снижать температуру таблетками?[1] Следует ли прививаться от гриппа? И т. д. Не сомневайтесь, что на каждый из предложенных вопросов у ученых заготовлены взаимно исключающие ответы. Правда, приведенный выше список касается мелких забот обывателя, но существуют вещи и поважнее. Зависит ли концентрация метана в атмосфере от хозяйственной деятельности человека? Что ожидает нас в скором будущем — глобальное потепление или новый ледниковый период? Вызовет ли Большой адронный коллайдер мгновенную гибель планеты? Расширяется или сжимается Вселенная? Играет ли Бог в кости?

Можно ответить, что в научных спорах рождается истина, что коллективная деятельность научного сообщества как раз и состоит в том, чтобы отделять зерна от плевел. Но приходится повторить вопрос: кто из ученых сейчас, в эпоху столь глубокой внутринаучной дифференциации, может претендовать на роль универсального разума, который «сверит показания» и представит строго дозированную информацию о том, как на самом деле устроен мир, то есть данные, необходимые для принятия жизненно важных решений? И даже если этот кто-то существует (см. выше пассаж о *Комиссии по борьбе с лженаукой*), то в состоянии ли он или она обосновать собственную легитимность в ущерб другим претендентам? Война одних фактов и доказательств с другими чревата взаимным уни-

1 Приведем цитату из интернета: «Последние исследования показали, что безобидный парацетамол может стать причиной развития фульминантного гепатита, который характеризуется стремительным течением и приводит к летальному исходу»; немногие знают, что такое фульминантный гепатит, но все равно страшно. URL: http://www.mamochka.org/forum/viewtopic.php?f=100&t=6707&start=435

чтожением соперников. Как тут не вспомнить В. С. Библера: «Наука, потеряв свое философское обоснование, кончает самоубийством» [Библер 1995: 159–183].

Философская критика науки, впрочем, тоже неоднородна. Возможно, что с высоты естественных наук все антисциентисты, как азиаты для европейца, на одно лицо, но при ближайшем рассмотрении видно, что это не совсем так. Например, один из вариантов философского антисциентизма поразительно похож на объект своей критики — сциентизм, поскольку разделяет с ним один и тот же образ науки, но только со знаком минус. Для сциентистов, будь то философы или ученые, автономия науки, ее внутреннее единство и возможность перебросить логический мост от одной теории к другой свидетельствуют в пользу того, что наука может и должна стать основой политического единства и источником рационализации и, следовательно, усовершенствования всех (биологических, технологических, социальных, интеллектуальных) форм жизни. Для антисциентистов те же самые характеристики науки приводят к тому же самому результату, но только оценивается он негативно. Например, пессимистические зарисовки О. Хаксли, изображающие оптимизированное общество будущего, и хайдеггеровское решительное «наука не мыслит», на два голоса утверждают: там, где торжествует рациональность, нет места свободной личности, индивидуальной открытости бытию, нет места мышлению как реализации этой свободы и открытости. Основная идея утопии (сциентизма) и антиутопии (антисциентизма) состоит в том, что наука, будучи универсальным инструментом подсчета и контроля, орудием объективности, последовательно элиминирует субъективность, которая ассоциируется с хаосом (утопия) или свободой (антиутопия).

По существу ученым нечего возразить антиутопистам. С точки зрения ученых-сциентистов, наука действительно «не мыслит», если понимать под мышлением то, что понимали под ним Хайдеггер и диалектики, а именно *исторический* процесс порождения и обоснования факта, в котором нечто всегда раскрывается через свою противоположность. Наука принципиально дистанцируется от такого мышления и работает в области уже наличествующих фактов, в области определенности и логической однозначности, что прекрасно осознавали позитивисты, например Р. Карнап и К. Поппер[1]. Таким образом, спор сциентистов и антисциентистов может

1 В первой половине XX века под огонь позитивистской критики попала диалектика как разновидность метафизики; позитивисты доказывали ее ненаучность (см. работы [Карнап 2001: 42–66; Поппер 1995: 118–139]). Вот что пишет по этому поводу Э. В. Ильенков: «Неопозитивисты, например, единодушно упрекают Гегеля в том, что он-де недопустимо “расширил” предмет логи-

идти не о том, каковы формообразующие характеристики науки, а лишь о том, что понимать под конечной реализацией потенциала homo sapiens: а) универсальную рациональность, гарантирующую социальное, биологическое, интеллектуальное единство и функциональность человеческой расы, или б) экзистенциальную свободу личности. Такое раздвоение оценки результата при общей посылке является отголоском средневековой конфронтации двух истин — истины понятийного мышления о единичных предметах и истины созерцательного постижения общих принципов мироздания. Старый вопрос о выборе познавательной и жизненной стратегии спасения — в пользу опытного изучения плодов Божественного творения или в пользу смиренного подчинения разума Откровению (бытию, Абсолюту) — в новейшее время вновь звучит как вопрос о выборе пути спасения человечества. Спасение возможно либо благодаря науке («естественному разуму»), либо вопреки ей (посредством «гуманитарного разума»).

Но когда мы говорим о философской деконструкции, мы, очевидно, имеем в виду несколько иную теоретическую позицию, иную разновидность антисциентизма. Выше мы написали, что философия исследует основания нашего доверия. Это означает, что она, как в свое время Сократ, разоблачает само собой разумеющееся, срывая с него покров очевидности. Возьмем, например, критику понятия собственности из «Трактата» Д. Юма. «Качество, называемое нами *собственностью*, подобно многим воображаемым качествам *перипатетической* философии, и от него ничего не остается при более тщательном проникновении в предмет, если только его рассматривают отдельно от наших нравственных чувствований» [Юм 1966: 683]. Более тщательное проникновение в предмет собственности показывает, что ее истоки вполне прозаические. Собственность была *изобретена* с целью устранения неудобств общежития индивидов, каждый из которых обладает естественной склонностью преследовать личные интересы. Лишь привычка и воображение заставляют нас приписывать собственности онтологический характер и онтологическую легитимность. Подобным же образом Юм деми-

ки своим пониманием мышления, включив в сферу рассмотрения массу “вещей”, которые мышлением в обычном и строгом смысле назвать никак нельзя: прежде всего понятия, относившиеся по традиции к метафизике, к онтологии, то есть к науке о самих вещах, систему категорий — всеобщих определений действительности вне сознания, вне “субъективного мышления”, понимаемого как психическая способность человека. Если мышление понимать так, то неопозитивистский упрек Гегелю и в самом деле придется посчитать резонным» [Ильенков 1984: 109–138]. В своей критике диалектики, как писал В. С. Библер, Карл Поппер является позитивистом.

стифицирует феномен власти и авторитета правителя: в их основе при внимательном анализе не обнаруживается ничего, кроме человеческих соглашений. Власть, как и собственность, порождается временем и принадлежит не сущности вещей, а области чувств, договоренностей и привычек. Но скептицизм относительно собственности и власти отнюдь не означает негативную оценку этих институтов в эсхатологической перспективе. Так, Юм полагает, что они могут быть *практически* оправданны, хотя и не оправдываются *онтологически*.

Наука как социальный институт имеет много общего с институтами собственности и власти. Ее канонический образ является инструментом легитимации авторитета и власти ученых, собственников знания. Подвергая науку философской критике и деконструкции, не рискуем ли мы докопаться до открытий Юма, после которых от науки, как от собственности или власти, не останется ничего, кроме конвенций, привычек и воображения? И, рискуя прийти к юмовским скептическим выводам, что мы в конечном счете ставим на карту? Будущее человечества? Рациональность? Или нам нечего терять, кроме своих цепей? Сможем ли мы найти прагматические доводы в пользу науки, если она (предположим наихудшее) в результате наших усилий утратит онтологическое оправдание? И не совершим ли мы незаметную подмену ученых-экспертов экспертами-философами, для которых нет ничего святого, кроме всепоглощающих критицизма и скептицизма?

Я постараюсь ответить на последний вопрос. Наличие двух оценочных позиций философии по отношению к науке (назовем их скептической и догматической) выражает как внутренний разлом философии, так и внутреннее противоречивое единство отрицательного и положительного философского знания. «Я знаю, что я ничего не знаю» — хрестоматийный пример имманентного конфликта и его преодоления. Удивительным образом в исторической перспективе этот внутренний конфликт обретает величайшую ценность: он предохраняет философию от крайностей и обеспечивает ее динамику. Усилия, которые философия предпринимает, чтобы разоблачить основы нашего доверия, постоянно уравновешиваются мировоззренческими предпосылками, в рамках которых эти усилия осознаются как значимые, но и предпосылки не служат нам вечно. Любые крайности, любые радикальные позиции, будь то эмпиризм и рационализм, скептицизм и догматизм, претендуют на универсальность, они не обладают внутренней изменчивостью сами по себе. Только их парадоксальное сочетание, их взаимное опровержение, их непрекращающийся диалог, который разворачивается во времени, обеспечивают актуальность философствования как исторического предприятия. «Я знаю, что я ничего не знаю» —

это внутренняя пружина философии, в которой заключена колоссальная энергия, отвечающая за развитие как знания, так и его практических модификаций, то есть за европейскую цивилизацию, ни больше ни меньше.

Какое отношение это имеет к вопросу о философской критике науки? В философии науки скептицизм легко обращается в догматизм, а догматизм в скептицизм. Отрицая и разоблачая онтологическую легитимность науки, философия имеет дело с тем образом науки, в создании которого сама наука принимала и принимает деятельное участие. Показывая, что объективность не столь объективна, а рациональность не столь рациональна, как мы *привыкли* думать, критики науки юмовского извода ищут (и не находят) то, что золотыми буквами вписано в научную картину мира под заглавием «универсальный метод познания». «Не верьте в объективность, объективность — это *миф*», — говорят скептики, обнаруживая догматическую уверенность в том, что *миф* и *объективность* противостоят друг другу по причине полного несовпадения своих внутренних характеристик. Там, где миф выступает синонимом ложности, объективность уже вступила в свои права[1]. Но и догматизму трудно удержаться в своих границах. Рисуя монументальное эсхатологическое полотно с персонажами-символами, олицетворяющими вечные пороки или добродетели, вечные ложь или истину, он только успевает положить последний мазок, как картина уже помещается в музей истории мысли, а ее персонажи безнадежно устаревают. И скептицизм вновь вступает в игру, показывая, что «вечный» и «универсальный» продукт человеческого разума есть дело случая.

Но если наука, имеющая склонность к догматической абсолютизации собственных достижений, без философского обоснования кончает самоубийством, то и философия без науки нежизнеспособна. Самоубийство ни науки, ни философии до сих пор не состоялось именно потому, что наука и философия служат друг для друга неиссякаемым источником как догматизма, так и скептицизма. В свое время наука выделилась из скептического крыла философии, вскоре обратив скептицизм в новый «догматизм фактов и доказательств».

1 Фраза «Объективность — это миф» принадлежит одной из представительниц «феминистской критики науки»; фраза была высмеяна Я. Хакингом как образец противоречивого скептицизма. Несколько иначе ту же проблему поднимает С. Жижек, ссылаясь на Ж. Деррида (а именно на его статью La mythologie blanche (la métaphore dans le texte philosophique): деконструктивистская редукция концепций к метафорам сама по себе основывается на имплицитном различии между концепцией и метафорой, то есть именно на той оппозиции, которую она пытается уничтожить [См.: Zizek 2000: 101–110].

Однако же именно философия, которая, передав скептицизм в ведомство науки, по-видимому, обречена была с тех пор на догматическую приверженность вечным истинам, на рассуждение о самых общих вопросах с самой общей точки зрения, стала действенным оружием против нового догматизма, подвергнув сомнению его универсальный характер. Но почему это оказалось возможным? Потому что наука, оснащенная скептическими методами опыта, наблюдения и испытания наших суждений фактами, открыла дорогу непрерывному изменению и исправлению фактов и доказательств.

Наука непрестанно меняется. Меняются факты, теории, методы, экспериментальная база, социальная организация. Научные революции научили: наши «строго научные» суждения о мире не застрахованы от того, чтобы завтра попасть в архивы ошибок и заблуждений или полностью изменить свое значение, сохранив лишь форму. Даже такие незыблемые понятия, как объективность и рациональность, меняются от эпохи к эпохе. Наука — это всегда незавершенный и нелинейный (то есть его нелегко описать в терминах прогресса[1]) процесс, а не готовый продукт. На каждом этапе своего развития она порождает новую догматику, которая в свою очередь порождает новый скептицизм, дающий начало новой догматике, и так далее. Изменчивость науки, спорность и незавершенность ее результатов служат главным аргументом тех скептиков, которые ставят под вопрос претензии науки на универсальную истину. Конечно, это оправданный скептицизм. Но, с другой стороны, именно изменчивость и незавершенность науки предохраняют нас от бессмысленной подмены экспертов-ученых экспертами-философами. Пока наука развивается, такая подмена выглядит сомнительной по той причине, что нестабильность и изменчивость научного знания накладывают отпечаток не только на наши суждения о чем бы то ни было, высказанные *с помощью* науки и *посредством* науки, но и на те суждения, которые мы высказываем *о* науке. В немалой степени сама наука служит орудием изменения и исправления тех умозаключений, которые выдвигает о ней философия.

Итак, задача философии, поскольку она остается верной принципу сократического сомнения, состоит в том, чтобы разоблачать претензии ученых на обладание абсолютной истиной и вскрывать обманчивую очевидность и мнимую полноту фактов и доказательств. Но в то же время, мне думается, философии необходимо следовать совету У. Джеймса и «держать свои двери открытыми» для науки, ее практики, методов и достижений. Конечно, это ограничивает фило-

1 Как писал Энгельс, «все человеческое познание развивается по очень запутанной кривой» [Энгельс 1934: 5].

софию и ее претензии на универсальность, будь то универсальное сомнение или универсальные абстракции, но вместе с тем это открывает дорогу новому союзу изменяющейся философии с изменяющейся наукой, онтологии с эпистемологией, новым «приключениям разума» в исторической реальности.

Библиография

1. *Библер 1995 — Библер В. С. Что есть философия? (Очередное возвращение к исходному вопросу)//Вопросы философии. 1995. № 1. С. 159–183.*
2. *Гуревич 1999 — Гуревич А. Я. Категории Средневековой культуры. Избранные труды. М., 1999. Т. 2.*
3. *Декарт 1989 — Декарт Р. Сочинения в 2-х тт. М., Мысль, 1989. Т. 1.*
4. *Ильенков 1984 — Ильенков Э. В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1984.*
5. *Кант 1966 — Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение//Кант И. Сочинения в 6-ти тт. М., Мысль, 1966. Т. 6.*
6. *Карнап 2001 — Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка//Путь в философию. Антология. М., 2001.*
7. *Поппер 1995 — Поппер К. Что такое диалектика//Вопросы философии. 1995. №1. С. 118–139.*
8. *Энгельс 1934 — Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1934.*
9. *Юм 1966 — Юм Д. Сочинения в 2-х тт. М., 1966. Т. 1.*
10. *Zizek 2000 — Zizek S. History against historicism//European Journal of English Studies. 2000, Vol. 4, No. 2. P. 101–110.*